

Т. В. Парменова
Вологда

О МОДАЛЬНОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ (на материале «Словаря вологодских говоров»)

Модальность, неизменно привлекающая внимание исследователей, давно уже стала одной из самых «загадочных» и потому неопределённых лингвистических категорий. Нельзя не согласиться с такой точкой зрения: «Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково» [Бирюлин, Корди 1990: 67].

Не касаясь разнообразия и даже известных противоречий в теоретических воззрениях на модальность, покажем возможности применения функционального подхода к анализу этой семантической категории в диалектной речи.

Представляется, что функциональный подход может и должен найти более широкое применение в диалектологии, это придаст ей новые импульсы и откроет широкие горизонты исследований. Такие основные принципы функционального анализа, как взаимосвязь разноуровневых средств, предназначенных для передачи близкой, сходной семантики, взаимодействие лексики и грамматики, выделение и описание функционально-семантических полей, разграничение центра и периферии позволяют увидеть закономерные связи с литературным языком и специфику, характерную для народных говоров. Среди работ, посвящённых функциональному анализу диалектного материала, отметим, в частности [Смирнов 1999; Ровнова 2000; Черняк 2004].

Материалом для наблюдений в данной статье послужил «Словарь вологодских говоров», подготовленный коллективом преподавателей Вологодского педагогического института (университета) и изданный в 1983–2007 гг.

Модальность понимается нами, вслед за А. В. Бондарко [Бондарко 1990: 59–66], как отношение высказывания к действительности с точки зрения его реальности / ирреальности. Традиционно разграничиваются так называемые *объективная* модальность, отражающая отношение содержания высказывания к действительности, и *субъективная* модальность как воплощение мнения, точки зрения говорящего или другого субъекта на степень вероятности и достоверности содержания высказывания, которые выражаются целым спектром языковых средств. Их пред-

ставление на диалектном материале может быть предметом отдельной статьи.

Функционально-семантическое поле объективной модальности включает, как минимум, три микрополя: реальности, т. е. соответствия содержания высказывания действительности, и два микрополя нереальности: побудительности, или императивности, и гипотетичности, или предположительности.

Представление в говоре реальной модальности, актуальных событий с их изменениями во времени описано в [Парменова 2008: 138–143]. В целом хочется отметить одну особенность диалектной речи, зафиксированной словарями: перед нами отрывочные, чаще всего ответные реплики, и потому развитие модальных отношений, смена и взаимодействие модальных планов могут быть исследованы только в более широких контекстах. В то же время обобщённый, назидательный характер, свойственный народной речи, отсылки к прошлому опыту, нередко неприятие происходящего, в целом свойственное конфликту «отцов» и «детей», создают важный фон при изучении модальных отношений.

В описании функционально-семантических полей большое внимание уделяется соотношению понятий «центр» и «периферия». На примере представления ирреальной – побудительной и гипотетической – модальности покажем, как «работает» эта теория в условиях диалектного материала. Наиболее регулярные, типичные, специально приспособленные для передачи тех или иных значений языковые средства рассматриваются как центральные, а периферию составляют менее употребительные, нестандартные способы выражения. Распределение средств выражения на центральные и периферийные в литературном языке и говорах во многом совпадает.

Побудительная модальность связана с выражением говорящим повеления, побуждения другому лицу или лицам совершить то или иное действие, которого ещё нет в действительности. Материалы словаря содержат значительное количество примеров выражения императивности с помощью типичных, стандартных средств – форм повелительного наклонения общерусских и диалектных глаголов: *Ты то́лько колоні́йся* (постучись), *всѣ́кій пу́стит переночева́ть*. В-У. Кич. *Не кляни́, не кляни́* (не ругай) *робя́т-то, сам ви́новат!* В-У. Черн. *Поді́ сун-от излажса́й* (делай, готовь). Гряз. Михалк. *Извѣ́шай* (повесь) *фуфа́йку на гвозь*. Арх. Вельск. Крыл.

Кроме этих форм, побуждение к действию передают другие средства: сослагательное наклонение глагола, изолированный инфинитив, инфинитив в сочетании с частицей *бы*, а также призывные и отгонные слова.

Семантика побуждения реализуется целой гаммой значений: совета, предложения, приглашения, просьбы.

К примеру, семантика совета выражается формами императива диалектных и общенародных глаголов: *Пётка, брось свою дурную извычку* (привычку). В-У. Род. *Изладь* (поправь) *хоть воротник, на шее загнулся*. Тот. Мос. *Излажайте постель да и спите*. Сок. Б. Иван. *За меня-то имайся* (держись, хватайся). В-У. Лод.

Морализаторский, назидательный характер диалектной речи нередко проявляется в том, что тот или иной совет сопровождается отсылками к прошлому опыту или комментарием: как и почему именно так следует себя вести: *Я Мишу наставляю: «Изладься, растрёпой не ходи»*. Раньше парничок-то изладичья, пуговичи все застегнёт, а ноне ходят — и хоря голая. К-Г. Барак. *Испотешить-то легко, испотешу детей-то, а потом майся*. Ведь девку-то испортят, испотешат. В-У. Алекс. В последнем случае форма повелительного наклонения *майся* используется не в императивном значении, передавая вынужденное, нежелательное действие, отнесённое к любому лицу, в том числе и к самому говорящему.

Отдельные словарные статьи содержат сразу по несколько примеров использования императивных форм. Например, глаголы *бздавать* и *бздануть*, имеющие значение 'подавать / поддать пару в русской бане, обдавая водой раскалённую каменку (печь)', чаще всего используются в высказываниях-советах: *В баню пойдёте, дак больше бздавайте, а то не распаритесь*. Влгд. Меньш. *Бздавай-ко, а то холодно в бане*. К-Г. Алфер. *Бзданй-ко иишó разók, штёбы жарче было*. Ник. Куд. *Бзданй на каменицю-то, пар-от и будет*. В-У. Никул.

В «Словаре вологодских говоров» зафиксирована форма повелительного наклонения бесприставочного диалектного глагола *имать* со значением 'ловить, хватать': *Имай его быстрей, а то ведь убежит*. Ник. Осин. Встречаются и другие примеры диалектных императивных форм: *Изугóдуй* (приготовь), *Татьяна, постель, я устал что-то, прилягу*. Тарн. Ил. Погост. *Поманй* (подожди) *малёнько, я избихóжусь, дак потом и расскажé*. Сямж. Монаст. *Карзай бревнó* (очишай от коры) *да обéдать пойдём*. *Карзатъ брёвна на сруб не так легко, как кажется*. Кир. Феран.

Предупреждение, то есть совет не совершать или прервать уже начатое нежелательное, с точки зрения говорящего, действие, выражается формой повелительного глагола с отрицанием. Так, глагол *кёркать* в значении 'ворчать, быть недовольным' встречается в контекстах: *Не кёркай лучше! Много на себя берёшь, малá ещё*. Сок. Васил. *Живй да не кёркай*. Сок. Журыг. Шутливый совет с императивом глагола *измирать* в значении «худеть, терять силы от недоедания» выражен в высказывании: *Не измирайте хоть у нас*. Тарн. Шалим.

Совет приостановить или прекратить нежелательное, по мнению говорящего, действие, граничит с запретом, запрещением и выражается сочетанием слов *хвátит, полно, доволёно* с инфинитивом. «Словарём воло-

годских говоров» зафиксированы примеры такого употребления диалектных синонимичных глаголов *изгиляться* и *изумляться* в значении ‘вести себя неприлично, кривляться, дурачиться’: *Хвáтит изгиляччя, не мáленькая*. К-Г. Курил. *Пóлно изумляться-то, уж стать порá*. Вож. Бекет. Глагол *камидиться*, имеющий значение ‘шалить, озорничать’ также встречается в контексте: *Хвáтит тебе камидиться, ишь, разошёлся-то*. Шексн. Ершово. Глагол *изводиться* в значении ‘долго и нудно плакать, капризничать (о ребёнке)’ используется, в частности, в высказывании: *Хвáтит тебе изводиться*. Гряз. А употребление глагола *изгальяться* (насмехаться, потешаться) подтверждается примерами: *Довóльно изгальяться-то над ей!* Кир. Мереж. *ПóУно изгалéцце-то над робёнком!* Гряз. Истоп.

Кроме того, совет совершить действие, противоположное реальному положению вещей, выражается формами сослагательного наклонения с частицей *хоть*: *Хоть бы колону́лась в дверь-то*. Верх. Кост.

Запрет, граничащий с угрозой, выражается конструкциями с *чтоб*, *чтобы*, *кабы*: *Чтоб́ этой изва́дки (привычки) нé было!* Межд. Дмитр. Угрозу содержит и устойчивое сочетание *кабы (чтобы) тебя́ изня́ло*. В «Словаре вологодских говоров» читаем: ‘Бран. Восклицание, выражающее крайнее недовольство кем-либо или чем-либо’. *Отста́нь, кому́ говорю́, до чé надоёл, чтоб́ тебя́ изня́ло совсём*. Кир. Ферап. Такое же значение характерно и для выражения с формой повелительного наклонения глагола *быть* и кратким прилагательным *киловáт*: *Ой, да будь ты килováт!* В-У. Алекс.

Предложение, приглашение к совместному действию передаётся формой *давай, давайте* в сочетании с инфинитивом: *Дава́й в ймки (прятки) игра́ть: тебе́ догоня́ть, а я убега́ю*. Ник. Осин.

Просьба нередко выражается формами сослагательного наклонения, что придаёт ей большую осторожность, мягкость, деликатность. Так, глагол *изла́дить* в значении ‘отремонтировать, привести в порядок’ встречается в контексте: *Никола́й, изла́дил бы дверь, а то ходу́ном ходит*. Вож. Якун. Близкое значение передаётся словом категории состояния *надо* (диалектный вариант *на́де*) с частицей *бы* и инфинитивом: *Де́Уки, калитку на́де бы прикрýть*. Влгд. Марк.

Следующим контекстом проиллюстрируем взаимодействие разных модальных и временных планов глагольных форм: *Ишь, изво́дится! Поизво́дись у меня́ ещё! Переста́нь реве́ть, тебе́ говоря́т!* Межд. Дмитр. Как видим, в первой части представлена реальная модальность констатации факта в настоящем времени (*изво́дится*), во втором предложении форма императива этого же глагола передаёт семантику угрозы, побудительная модальность соотносится с планом расширенного будущего, а в завершающей части звучит побуждение немедленно прекратить нежелательное действие.

Побуждение, призыв передают и так называемые призывные или отгонные слова типа *ка́риЗка́ри-ка́ри*. Традиционно мы относим их к междометиям, однако их функция сходна с императивом: двойное или тройное повторение коротких, чаще всего двусложных слов должно вызвать реакцию животных подойти, приблизиться к зовущему или, наоборот, отойти от говорящего.

В разных говорах отмечаются разные слова, с помощью которых подзывают или отгоняют домашних животных. Так, в Сямженском районе подзывные слова для овец *ка́ри-ка́ри-ка́ри*, в Вологодском – *бя́ши-бя́ши*, в Великоустюгском и Кичменгско-Городецком – *ма́ли-ма́ли*. Зафиксировано несколько вариантов: *ма́лька-ма́лька*, *ма́льки-ма́льки*, *ма́сеньки-ма́сеньки*, *ма́си-ма́си*, *мась-мась*, *ма́ськи-маськи*. В Великоустюгском районе встречается междометие *ца́ка-ца́ка*: *Кур дак подзываю: кúтю-кутю, а овёчек – ой, как? Забыла! А, ца́ка-ца́ка, ца́коньки-ца́коньки!* В-У. Мороз. *Ча́ка-ча́ка, ча́ко-ча́ко, чё́га-чё́га, че́ка-че́ка, че́ка-че́ка, че́ко-че́ко, чё́га-чё́га, чё́го-чё́го* – этими словами призывают овец в Сямженском, Сокольском, Вожегодском, Бабаевском, Кирилловском районах. А если иметь в виду разнообразие фонетических вариантов, количество таких слов значительно возрастает.

Возгласом *пру́ка-пру́ка* в Нюксенском районе подзывают, а словами *ксы-ксы* отгоняют коров в Никольском, Кичменгско-Городецком, Великоустюгском, Междуреченском районах.

Велико разнообразие подзывных слов для куриц, отмечаются целые ряды вариантов: *ку́ти-ку́ти*, *ку́тю-ку́тю* и *ку́тя-ку́тя*, *пы́ли-пы́ли*, *цы́ба-цы́ба*, *цы́ва-цы́ва*, *цы́ли-цы́ли*, *цы́люшки*, *цы́пля-цы́пля*. Приведём примеры из «Словаря вологодских говоров»: *Ку́ти-ку́ти, иди́те сюда́, поклю́йте зёрнышек*. Ник. Филип. *Ку́тя-ку́тя, я вам кро́шек принесла́*. К-Г. Лисиц. *Ку́тю-ку́тю, я вам хле́бушка дам*. Баб. Кокш.

Крестьянская традиция доброжелательного обращения с домашними животными проявляется не только в фонетическом облике и структурном дублировании таких призывно-отгонных формул, но и в использовании их в качестве обращений, в своеобразном разговоре человека с животным или птицей: *Цы́ба-цы́ба, робя́тки, домо́й порá, иди́те скоря́е*. Влгд. Сяма. *Куды́ и цы́пляют дева́лись, зову́ «цы́ли-цы́ли», а всё нейду́т*. Ник. Сорок. И любопытны комментарии носителей говора на то, как реагируют животные на призывы и «общение»: *«Чи́ли-чи́ли-чи́ли» сга́ркаю – ма́ленькие, а понима́ют, бежа́т скоря́я*. Тарн. Серг.

Междометие-возглас, построенное по модели формы повелительного наклонения, можно отнести в одинаковой степени как к детям, так и к цыплятам, овцам: *Кы́шьте, кы́шьте отсю́да, ма́льки*. Ник. Осилк.

Междометное побуждение, описанное в нашем словаре как 'поощрительное обращение к ребёнку, начинающему вставать на ножки, ходить',

зафиксировано в архангельских говорах: *Дыб-дыб, Сашенька, ну, вставай, вставай! Дыб-дыб, дыб! Скорó ведь уж ходить надо!* Арх. Вельск. Пайт.

Гипотетическая модальность выражается в диалектной речи формой сослагательного наклонения как центральным, наиболее типичным средством, характерным для литературного языка. Образуются эти формы и от диалектных глаголов. «Словарь вологодских говоров» фиксирует, например, форму модального глагола *измóчься* со значением ‘смочь’: *Климáт на юге другóй, а мóжет, я измоглась бы жить там.* Межд. Иван. Ирреальное допущение, предположение о возможности, выраженное сочетанием модального глагола с инфинитивом, усиливается вводно-модальным словом *может*.

Типичное употребление форм сослагательного наклонения для описания ирреальных нежелательных последствий, обратных тому, что произошло в реальности, продемонстрируем примером: *Лáдно, хоть сын карниз (жёлоб, служащий для стока воды с крыши) сдéлал. А то воды не наноси́лся бы.* Гряз. Аксен. Такое замещение выполняет функцию дополнительной, в данном случае позитивной, оценки правильного, рационального поведения.

Ирреальные условно-следственные отношения также служат характеристикой реального положения дел: утвердительные конструкции соответствуют отрицанию данной ситуации в действительности. Так, прилагательное *кóнговый*, имеющее значение ‘крепкий, с мелкослойной древесиныой, прочный (о лесе, дереве)’ иллюстрируется примером: *Бýло бы кóнговое дéрево, дак бýло бы всё крéпче.* К-Г. Пан. Прагматическим компонентом семантики таких высказываний является сожаление об отсутствии в реальном мире такого положения дел: «жаль, что это не такое крепкое дерево, как конговое».

Ирреальное условие и его следствие выражаются и типичными конструкциями с сослагательным наклонением и союзом *если*: *Если бы по́пáлся мне этот клéпáло, так я бы его тут и пришиб.* *Узнáв бы он тогдá, как сплётни про меня роспукáть.* К-Г. Рос.

В речи может выражаться сожаление по поводу уже произошедших событий, представленное в модели: *если бы, то...* и в её отрицательном варианте: *Не бежáла бы бегóм, шла бы исподовóле, нóгу бы и не подавила.* Хар. Поп.

Желательное, но оставшееся нереализованным действие, которое можно назвать «ирреальным замещением», выражено в конструкциях с инфинитивом и частицей *бы*: *вместо того, чтобы, нет чтобы* или просто *нет бы*: *Нóнесь закрь́лину излажáл, нет бы картóшку копáть.* Тот. Мос. Подобные высказывания всегда передают осуждение говорящим

событий, происходящих в реальном мире, и отражают другие приоритеты, представление говорящего о целесообразности других действий.

На периферии микрополя гипотетичности оказываются сочетания частицы *бы* со словами категории состояния и инфинитивом, например, с модальным безличным предикативом *надо* или соответствующим ему диалектным *на́де*: *На́до бы сёно-то изворóчать*. Сок. Бояр. *На́до бы купи́ть хоть оди́н кáтоники*. Сямж. Монаст. *На́до бы нóвую катару́шку* (колодку для изготовления носовой, передней части валенка), *да тепе́рь их никто́ не де́лает*. К-Г. Рудн. *Смотри́-ко, весь топо́р в каржа́вине* (ржавчине), *нато́чить бы егó на́де*. Ник. Осин.

Ещё дальше от центра находятся формы инфинитива с частицей *бы*, выражающие, в частности, ирреальное желательное действие, а последующий контекст в нашем примере называет причины, по которым невозможна его реализация, например: *В коло́дце вода́-то чи́стая, то́лько бы пить, да не проле́зть тудá*. В-У. Том.

При употреблении инфинитива с частицей *бы* противопоставление реальности и ирреальности может стираться, так, о реально происходящем можно услышать: *Я ему́ де́ло говорю́, а он то́лько бы бухти́ны гнуть* ('говорить вздор, нелепость, шутить'). Хар. Никул. Как видим, вместо *он то́лько бухти́ны гнёт* использована форма со значением ирреальным, точнее, потенциальным, тем самым подчёркивается типичность действий другого лица и негативная оценка говорящим подобного поведения.

Инфинитивом с частицей *бы* выражается также ирреальное желание, отнесённое в план будущего: *Мне бы сёмечка найт́и, я бы на ино́й* (будущий) *год посы́ла*. К-Г. Бяк. В целом высказывание состоит из двух частей, передающих условно-следственные отношения: ирреальное желательное условие влечёт за собой желательное следствие.

На дальней периферии выражения ирреального условия находятся формы повелительного наклонения: *Порóби-ко* (поработай), *как они́, так живо́ изме́рнут*. К-Г. Плоск. Очевидно, что это не прямое побуждение, а ирреальные условие-допущение и его следствие: если бы поработали, как они, так живо умрут / умерли бы. Тем самым создаются обобщённость, отнесённость к любому лицу и негативная оценка ситуации.

Встречается и изолированное употребление частицы *бы* и диалектного слова *на́де* в сочетании с родительным падежом существительного: *Дождя́-то на́де бы, вóн как вся земл́я исцте́лялась, ничего́ не нарастёт*. Сок. Васил. В начале высказывания передаётся ирреальная необходимость пожелания говорящим дождя, которая поддерживается двумя частями с реальной модальностью, описывающими состояние земли к моменту речи (*исцте́лялась*), и предсказанием нежелательных последствий в будущем.

Ирреальная желательность также может выражаться в конструкциях со свёрнутым предикатом, но отсутствие глагола не мешает пониманию:

Ох, и скúсная карто́фельница-то, ещё бы ма́слица побóльше. Сямж. Еск. *На умé оди́н копéж* (накопление чего-либо): *как бы побóле.* Кир. Сухов.

Семантику опасения, нежелательности в будущем отрицательных последствий передают, как и в литературном языке, формы сослагательного наклонения или инфинитива с отрицанием в сочетании с союзом *чтоб*, частицами *как, только, лишь, хоть*. Вот пример конструкции с сослагательным наклонением: *Брёвна на изво́зе ста́ли худы́е, как бы ло́шадь не прова́лилась.* К-Г. Плоск. А в словарной статье, посвящённой описанию слова *колодец*, которое имеет в вологодских говорах значение 'небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте', встречаем: *Вот идёшь по болóту и дúмай: как бы не попа́сть в коло́дец.* В-У. Тел. *Боятся люди, чтоб карку́нья беды́ не наклéкала.* Грыз. Вохт.

Ирреальная семантика всегда присутствует при выражении целевых отношений: цель самым непосредственным образом связана с нереализованным и желательным или нежелательным действием. *Ка́болки* (просмо́лённой верёвки) *намота́ем на ла́пти, чтоб не кати́ло под уго́ры.* В-У. Никул. Безличный глагол *катить* в данном случае имеет значение 'скользить, теряя устойчивость при отсутствии твёрдой опоры под ногами', а форма сослагательного наклонения с отрицанием указывает на цель названного в первой части действия. Сходный пример: *Ну, ме́ньше огонёк на́до излажа́ть, чтоб не вы́кипело.* Сямж. Монаст.

Целевое значение характерно и для употребления фразеологизма *ключи улягутся*, имеющего значение 'о прекращении бурного кипения жидкости': *Пусть посто́йт малéнько, что́бы ключи́-ти улегли́сь. Вот как кисе́ль сва́ришь, дай посто́ять: пусть ключи́ улягутся.* Сямж. Монаст. Как видим, в первом предложении цель соотносится с ирреальной модальностью, а во втором – с будущим временем, которое, как известно, тоже называет потенциальное, а не актуальное действие.

Наблюдения над модальной семантикой показали, что средства выражения модальности и их расположение по отношению к центру или периферии семантического поля в диалектной речи сходны с литературным языком. Формообразование диалектных глаголов идёт чаще всего по общерусским моделям, хотя встречаются и нетипичные формы наклонений. Материалы «Словаря вологодских говоров» показали богатство и разнообразие модальной семантики диалектной речи, были выявлены нюансы взаимодействия разных типов модальности во взаимодействии со средствами контекста.

В целом исследование ещё раз подтвердило плодотворность применения функционального подхода к изучению диалектной речи. Впереди новые темы, которые позволят ещё глубже и ярче раскрыть богатейший потенциал нашего достояния – народной речи.

Бирюлин Л. А., Корди Е. Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 67–71.

Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 59–67.

Парменова Т. В. О применении функционального подхода к изучению диалектной речи (на материале Словаря вологодских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть 2. Отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2008. – С. 138–143.

Ровнова О. Г. Употребление грамматических форм в русской диалектной речи // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. – С. 67–78.

Смирнов И. Н. Функциональный анализ и лексикографическая интерпретация диалектного слова // Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры (к 90-летию проф. В. И. Чагишовой). – СПб., 1999. – С. 139–149.

Ю. Н. Грицкевич
Псков

ОППОЗИЦИЯ *ДЕРЕВНЯ* – *ГОРОД* В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Культурные установки и стереотипы в осмыслении образа города и образа деревни как ценностно маркированных в народной культуре объектов проявляются в знаковых репрезентациях. Оппозиция *деревня* – *город* основывается на общепризнанной и универсальной оппозиции *свое* – *чужое*. Параметр отделения себя от других, дихотомия *свой* – *чужой* «является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472]. Членение географического пространства определяется как экстралингвистическими, этнокультурными, так и собственно лингвистическими факторами. Восприятие города как чужого, неосвоенного, враждебного пространства в противопоставлении восприятию деревни как своего, освоенного, а потому понятного в своем устройстве пространства является закономерным для носителя русской народной культуры, что находит свое отражение в народной речи (ср. антонимические единицы *город* – *деревня* [Блинова 2003: 64–65]), в том числе в псковских говорах. Город традиционно в сознании носителя народной русской культуры удален как в пространственном, так и временном отношении. Так, в псковских говорах устойчивое сочетание *не за городами (кто-нибудь)* совмещает значения ‘не очень далеко, близко’: *Приѣдут скоро, веть ни за гарада́м*. Кар. и ‘в скором времени’: *Ско́лька вре́мени прайде́т, и Кузьма* [день святого Кузьмы] *не за гарада́м*. Остр. [ПОС 7, 118]. Материал псковских говоров свидетель-